

0-735552

На правах рукописи

БАЛЮК Наталья Алексеевна

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ЗАУРАЛЬЯ
В КОНЦЕ XVI-НАЧАЛЕ XX ВВ.**

07. 00. 02 — отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Тюмень — 2003

Работа выполнена в Тюменском государственном университете

Научный консультант: доктор исторических наук,
профессор
Половинкин Николай Сергеевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
заведующая отделом этнологии
русского народа
Института этнологии
и антропологии РАН
Власова Ирина Владимировна

доктор исторических наук,
профессор
Миненко Нина Адамовна

доктор исторических наук,
профессор
Усанов Виктор Иванович

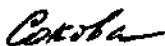
Ведущая организация: Российская Академия
государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Защита состоится «29» мая 2003 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 212. 274. 04. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Тюменском государственном университете по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, 23, ауд. 513.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского государственного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

З.Н.Сокова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ**Научная значимость и актуальность темы исследования**

Земледельческое освоение Зауралья — одна из определяющих вех в аграрной эволюции России. Процесс становления и развития крестьянского хозяйства, максимально отражающего жизнедеятельность земледельческих сообществ в условиях колонизируемой территории, является важной страницей в социальной и экономической истории страны. Предпринимательская инициатива переселенцев из Европейского Севера и политика метрополии по созданию за Уралом государственной вотчины заложили основу для формирования на значительных земельных пространствах специфического типа крестьянской цивилизации с присущей ей структурой сельских поселений и хозяйственных комплексов. Поселение на новых местах дало возможность как бы заново «проиграть» ранее сложившиеся режимы эксплуатации земли, выявить их достоинства и недостатки. Реконструкция на микроуровне системы взаимодействия сложившихся элементов сельскохозяйственной практики в условиях Зауралья необходима для определения типов аграрной эволюции с учетом пространственного и биоклиматического потенциала регионов. Это важно для понимания особенностей формирования земледельческой культуры в странах с разреженной демографической ситуацией и большим ресурсом свободных земель, таких как Россия, Америка, Австралия, Канада и др.¹ Комплексный анализ крестьянского хозяйства Зауралья в динамике развития позволит определить его роль и место в процессе освоения новых земель, в экономике страны в целом. Изучение данного феномена с учетом широкого круга вопросов, связанных с жизнью земледельческого населения, позволит раскрыть специфику хозяйственной системы конкретного региона, выявить закономерности экономического и общественного развития. Актуальность темы определяется современными тенденциями в историографии, направленными на реконструкцию исторического опыта крестьянства с позиций новых теоретико-методологических подходов². Для отечественной и за-

¹ Козлов С. А. Аграрные традиции и новации в дореволюционной России. М., 2002. С. 250.

² Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1992. №5. С. 3.

рубежной исторической науки в сфере аграрной проблематики также характерно обращение к наследию выдающихся агрономов и экономистов конца XIX-начала XX вв. — Е. И. Красноперова, Н. Ф. Кондратьева, Н. П. Макарова, А. В. Чайнова, А. Н. Челинцева, А. Ф. Фортунатова и др., которое легло в основу нового направления — крестьяноведения¹. На современном этапе большую роль в его популяризации и выработке концептуальных подходов сыграли работы Т. Шанина, В. Данилова, А. Никулина и др.². Прошлое деревни Зауралья имеет важное значение для определения менталитета сибиряка, общественного сознания крестьянского мира. Актуальность исследования этого аспекта осознается многими историками, писателями, государственными деятелями. Они видят в жизни крестьянина ту основу, с которой начиналась жизнь общества, его успехи и неудачи. В русской литературе путь, пройденный крестьянином, воспринимался как своеобразный эталон правильного развития страны³. В. М. Шукшин писал, что «...навсегда запомнил жизнь сибирского крестьянина, его нравственный уклад, который прекрасен, начиная с языка и жилья. Жизнь в деревне была трудная, но она не угнетала и не озлобляла людей»⁴. Сказанное очень важно, т. к. под воздействием разного рода публикаций целенаправленно искажается облик крестьянина, его образ жизни, блокируется использование ценного опыта, творческое видение ретроспективы. В предисловии замечательной книги, посвященной 200-летней истории американского земледелия, авторы отмечают, что интерес к жизни села за прошедшее время может принести пользу американскому обществу⁵. Применительно к России, исключительно крес-

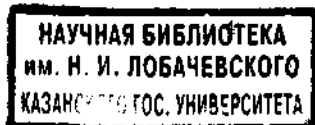
¹ Чайнов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925.

² Shanin T. Defining Peasants. Essays concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from them in the Contemporary World. Oxford Basil Blackwell, 1990 ; Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин. М., 1992; Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1992. № 5 ; Отечественная история. 1998 № 6; Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002.

³ Белов В. Повседневная жизнь Русского Севера. М., 2000. С. 6.

⁴ Коробов В. Василий Шукшин. М., 1971. С. 43 - 44.

⁵ The Americam Farm. A photographic history (by Maisie Conrat and Richard Conrat) California historical society. San-Francisco, Boston, 1977. P. 10.

тьянской стране, это высказывание приобретает особый смысл и актуальность. Изучение агрикультурной и хозяйственной жизни дореволюционной сибирской деревни имеет и практическую значимость. В настоящее время, в связи с развитием индивидуальных форм ведения хозяйства, сельские жители, агрономы и ученые обращаются к «дедовскому» опыту в целях реконструкции приемлемых элементов аграрной практики, рационального природопользования и т. д. Масштабная мелиорация земель, их химизация привели к катастрофическим результатам, вывели из оборота громадные территории, серьезно понизили урожайность многих культур, качество получаемого продукта¹.

Это заставляет отказываться от многих «передовых» приемов земледелия и возвращаться к системам, проверенным вековой крестьянской практикой. Подобного рода явления и процессы случались и в аграрной эволюции европейских стран. В частности, об этом свидетельствуют восстания крестьян в Нижней и Верхней Саксонии против трехполья, описанные В. Рилем. Известный публицист-аграрник XIX в. В. Безобразов писал, что «...цель сельскохозяйственной отрасли не технические успехи обработки, не внешняя рациональность, а благосостояние, основанное на равновесии способов производства с потребностями...»². На важность и незаменимость традиционных систем земледелия промышленными указывал еще в XIX столетии А. В. Советов³. Данное положение не утратило актуальности и в настоящее время. Более того, в исследованиях зарубежных социологов доказано, что в основе любой эффективной организации труда обязательно лежат элементы традиционного опыта⁴.

¹ Иваненко С. И. 4 века тюменского поля. Свердловск, 1990. С. 195; Суринов В. М Историческая память народа. Тюмень, 1990. С. 3; Ганжа А. Г. Традиционный опыт природопользования и современность // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 163-165.

² Безобразов В. Материалы для физиологии общества // Русский вестник. СПб., 1857. Т. 12. С. 513, 600.

³ Тимирязев К. А. Наука и земледелец // Сочинения. М., 1937. Т. 3. С. 20; История почвоведения // Вопросы истории естествознания и техники. 1985. № 1. С. 139-143.

⁴ Hofstede Y. Cultures and Organisations Software of the mind Z., 1991.

Состояние научной разработки проблемы

Основные результаты изучения проблемы аграрного освоения Зауралья дореволюционного и советского периодов получили квалифицированную оценку в специальных историографических исследованиях и ряде крупных монографий¹. В связи с этим основное внимание будет обращено на те стороны и аспекты социально-экономического развития крестьянского хозяйства, значение которых не было раскрыто в полной мере. Начальный этап разработки проблемы связан с накоплением фактического материала, где крестьянскому хозяйству были посвящены отдельные сюжеты. В конце XIX-начале XX вв. основным предметом изучения экономистов-аграрников было крестьянское хозяйство Европейской России. Эта тенденция частично обусловлена тем, что земских учреждений, занимающихся статистическими исследованиями крестьянства на

¹ Александров В. А. Русское население Сибири XVII - начала XVIII вв. М., 1964; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI - начале XVIII вв. М., 1972; Русакова Л. М. Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII - XIX вв. Новосибирск, 1976; Миненко Н. А. Историография Сибири (период феодализма). Новосибирск, 1978; Горюшкин Л. М. Историография Сибири (период капитализма). Новосибирск, 1979; Соловьева Е. И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981; Горюшкин Л. М., Миненко Н. А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI - начало XX вв.). Новосибирск, 1982; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983; Власова И. В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII-XVIII вв. М., 1984; Миненко Н. А. Источники по истории народной агрономии Зауралья в XVIII-первой половине XIX вв. // Источники по социально-экономической истории Урала дооктябрьского периода. Екатеринбург, 1992. С. 3-15; Миненко Н. А. Урал и Западная Сибирь в новейшей историографии // Культурное наследие Азиатской России. Материалы 1 Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997. С. 24-30; Пундани В. В. Государственная деревня Западной Сибири во второй половине XVIII - первой половине XIX вв. Курган, 1999; Ильиных В. А. Аграрные исследования в институте истории СО РАН в 1999 г. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2000. С. 3; Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. Проблемы изучения истории Тюменской области в отечественной историографии // Ежегодник ТОКМ. Тюмень, 2002. С. 124-140.

территории Зауралья, не существовало. Поэтому изучение деревни проводилось спорадически и в основном носило прикладной и отчасти фискальный характер¹. Данный этап исследования крестьянского хозяйства был подытожен в публикациях чиновников Министерства государственных имуществ А. А. Кауфмана, С. К. Патканова, Н. К. Куша, Н. О. Осипова, П. И. Соколова, С. С. Пчелина и др.². Среди работ этого периода следует выделить исследование П. И. Емельянова, основанное на большом фактическом материале³. При изучении состояния хозяйства затрагивались исторические аспекты его развития, широко использовались для этих целей документы землеустроительных и межевых комиссий, отчеты губернаторов, записи крестьян и т. п. Авторы данных работ предпринимали попытки теоретического осмысления проблемы. В ходе сравнительного анализа за эталон бралось сельское хозяйство Центральной России с его относительно высоким уровнем интенсивности использования земельных ресурсов. Отдельные элементы, составляющие структуру сибирского земледелия, зачастую абсолютизировались и рассматривались вне связи с условиями их возникновения и функционирования. Так, перелог и подсека представлялись явлением исключительно регрессивного порядка. Вместе с тем не учитывалось то многое позитивное, что давали эти формы землепользования в условиях Зауралья.

¹ Сведения о крестьянском хозяйстве населения Тобольской и Томской губерний в 1901-1902 гг. по сообщениям корреспондентов. Омск, 1902; Остафьев В. Характерные особенности земледельческого хозяйства Западной Сибири. Омск, 1902; Иванов В. А. Крестьянское хозяйство в Ялуторовском уезде // Вестник сельского хозяйства. 1903. № 33; Хозяйство крестьянина Е. К. Мерзлякова из д. Глазуново Ялуторовского уезда // Справочный листок по сельскому хозяйству. СПб., 1904; Маслов С. Крестьянское хозяйство. СПб., 1911; Описание хозяйства деревни Кашевской Ялуторовского уезда // Крестьянское хозяйство России. СПб., 1915.

² Кауфман А. А. Очерк крестьянского хозяйства в Сибири. Томск, 1894; Он же. Хозяйственно-статистическое исследование Тобольской губернии // Юридический вестник. 1890. Т. 6; Патканов С. К., Кауфман А. А., Куш Н. К., Осипов Н. О., Пчелин П. И., Соколов В. Н. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. 1-ХІХ. СПб., 1891-1897.

³ Емельянов П. И. Сельское хозяйство в Тюкалинском округе Тобольской губернии. Тюмень, 1897.

Сложившийся стереотип был характерен не только для ученых, деятельность которых связана с изучением сельскохозяйственных центров России, но и для сибирских областников Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина и др¹. Их доводы относительно примитивности сибирского земледелия обычно сводились к признанию неразвитости его отдельных элементов, «грубости» орудий труда, низких урожаев и т. д. При обобщении результатов деятельности авторы не использовали такой показатель, как количество произведенного продукта на душу населения. Игнорирование этого главного параметра формировало неверные представления об уровне развития сельского хозяйства Зауралья. Подобное искажение действительности было характерно не только для изучения Сибири. С такими же мерками к оценке уровня развития сельского хозяйства подходили и европейские ученые. Другим существенным недостатком историографии дореволюционного периода являлась слабая изученность некоторых сопредельных сфер жизнедеятельности крестьян, в т. ч. проблем, касающихся воздействия общественного развития на аграрный сектор экономики региона, структуру сельскохозяйственной отрасли. В частности, в этом процессе не была определена роль переселенческого движения. Размышления авторов обычно сводились к тому, что миграция большого количества населения сама по себе может способствовать развитию производительных сил деревни². На самом деле есть основания полагать, что неуправляемый переселенческий поток вносил деструктивный элемент в процесс оснащения крестьянских хозяйств сельскохозяйственными орудиями труда.

В первые десятилетия XX в. российская наука являлась ведущей в области изучения крестьянского хозяйства. Отечественное крестьяноведение получило развитие в трудах талантлив-

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1992. № 1. С. 3; Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1996. № 4. С. 231-253.

² Остафьев В. А. Переселенцы в Сибири. Очерк устройства переселенцев в Сибири // Юридический вестник. 1891. Т. 8; Материалы по обследованию переселенческого хозяйства. СПб., 1906; Гурвич И. А. Переселение крестьян в Сибирь. М., 1888 и др.

вых ученых-экономистов — А. В. Чайнова, А. Н. Челинцева, Н. П. Макарова и др., сделавших качественно новый шаг в совершенствовании методики изучения крестьянского хозяйства¹. В историографии это направление определилось как организационно-производственное. Основное внимание было обращено на разработку теории организации крестьянского хозяйства.

В работах ученых впервые был предпринят анализ внутренней структуры крестьянского хозяйства; определены механизмы его функционирования и процессы, происходящие на первичном уровне. Обобщение значительного эмпирического материала, накопленного исследователями пореформенного периода, позволило им определить уровень социально-экономического развития крестьянского хозяйства к началу XX в. В частности, вопрос о развитии товарообмена в отрасли маслоделия был рассмотрен А. В. Чайновым на материалах крестьянского хозяйства Зауралья. Автор пришел к выводу, что кризис в сибирском маслоделии в начале XX в. был обусловлен большим количеством заводов, ввиду благоприятной на начальном этапе конъюнктуры. Однако впоследствии маслоделие развивалось в условиях жесткой конкуренции².

В 30-е гг. XX в. крестьянское хозяйство стало рассматриваться историками в контексте общих проблем аграрного развития страны. В этот период, наряду с продолжением накопления фактического материала по социально-экономической истории Сибири, делаются первые квалифицированные теоретические обобщения по результатам колонизации сибирских территорий. Для данного этапа характерно формирование различных точек зрения в отношении процесса колонизации. Так, С. В. Бахрушин отходил от теории, господствующей в историографии в конце XIX-начале XX вв. о вооруженном захвате Сибири как единственной форме присоединения. На раннем этапе освоения Сибири историк отводил определяющую роль развитию пушного промысла. Специальное исследование С. В. Бахрушин посвятил деятельности тобольских воевод и организации слободских поселений³. Однако тема развития крестьянского хозяйства в Заура-

¹ Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его интересы. М., 1917; Чайнов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925.

² Чайнов А. В. Крестьянское хозяйство. М., 1989. С. 439.

³ Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири XVI-XVII вв. М., 1927.

лье им не была рассмотрена. В 40-50-е гг. одним из значимых в сибиреведении был вопрос о земледельческом освоении территории. Впервые он был поставлен В. И. Шунковым¹. Если С. В. Бахрушин рассматривал земледелие как сопутствующий фактор хозяйственного освоения Сибири, то В. И. Шунков принимал земледелие за основу экономической жизни. Главную роль в этом процессе он отводил крестьянству. По данным уездов Тобольского разряда им реконструирован начальный этап развития земледельческого промысла, механизм формирования территории уездов. Автор показывает, что основу политики государства за Уралом составляло земледельческое освоение. В дальнейшем А. В. Александровым, совместно с другими учеными, была создана обобщающая концепция хозяйственного освоения Сибири². В 50-е гг. развернулась дискуссия вокруг проблемы генезиса раннекапиталистических отношений. На данном этапе были предприняты попытки рассмотрения воздействия «cash system» (торговых отношений) на развитие земледельческой культуры. Среди ученых утвердилось мнение, что качественные изменения в государственной деревне Сибири проходили медленнее, чем в Европейской России. Н. М. Дружинин объяснял это отдаленностью крестьянских хозяйств от прямых рынков сбыта продукции³. Начало интенсивного развития хозяйства он соотносил с пореформенным периодом, определяя в его структуре элементы американского фермерского типа. Однако воздействие рыночной экономики на состояние хозяйства автором рассматривалось вне зависимости от демографической ситуации и режима эксплуатации земли. В силу этого не были учтены и внутренние импульсы развития крестьянского хозяйства Сибири, которые в свою очередь предопределяли характер и динамику его вхождения в рыночные отношения. Некоторыми историками и социологами признавалось, что многие изменения в крестьянском хозяйстве не всегда были связаны с воздействием внешних факторов (развитием денежных отношений, системой фиска и т. д.). Указывалось, что в условиях мелкого хозяйства «...аграрные новшества

¹ Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII - начале XVIII вв. М., 1946.

² Александров В. А. Русское население Сибири XVII - начала XVIII вв. М., 1964.

³ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Л., 1946.

являлись отнюдь не средством обогащения, а лишь условием самосохранения, что некоторые явления общественной жизни не могут быть объяснены ни капитализмом, ни наукой, ни такой случайностью, как благоприятное географическое положение...»¹. На данном этапе слабая изученность внутренней структуры крестьянского хозяйства, особенностей его функционирования была обусловлена общей тенденцией приоритетного изучения аграрных отношений. Что касается производительных сил хозяйственного комплекса, эта тема рассмотрена лишь в отдельных работах². Между тем, без серьезного изучения элементов производительных сил создать стройную систему аграрных отношений в сибирской деревне было довольно сложно.

В 60-80-е гг. проблема земледельческого освоения получила свое дальнейшее развитие. Характерным для историографии этих лет было обращение к вопросам формирования сословной структуры сибирской деревни, развития сельского хозяйства и производительных сил, кустарно-промышленной деятельности, опыта природопользования. Проблема становления русского земледелия за Уралом изучена в трудах В. А. Александрова. На материалах Енисейского уезда XVII в. автором впервые рассмотрены такие формы коллективного землевладения, как «вповал», «воопче»³. И. В. Власовой при изучении земледельческой практики Поморья и Западной Сибири в XVII-XVIII вв. выявлено, что на процесс формирования крестьянского землепользования и землевладения существенное влияние оказывали традиции поземельных отношений, привнесенные за Урал черносошными крестьянами⁴. Проблемы заселения и земледельческого освоения Западной Сибири в конце XVI- XIX вв. рассмотрены в

¹ Бессмертный Ю. Л., Кахх Ю. Ю., Малов В. Н. Некоторые итоги изучения истории крестьянства в период разложения капитализма и зарождения капиталистических отношений // История крестьянства Европы. Эпоха феодализма. Т. 3. М., 1956. С. 547; Mokir I. The ekonomik of endustrial revolution. Z., 1985.

² Александров В. А. Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII-начала XVIII вв. М., 1974; Суринов В. М. Производительные силы сельского хозяйства Западной Сибири (конец XIX-начало XX вв.). М., 1974.

³ Александров В. А. Указ. раб. С. 177.

⁴ Власова И. В. Указ. раб. С. 106.

работах Н. А. Миненко, А. А. Преображенского, А. Д. Колесникова, В. В. Пундани¹. Исследование крупной проблемы развития капитализма в аграрной сфере проведено Л. М. Горюшкиным. В его работах предметом специального изучения стали реформы 1861 г., формы землевладения, производительные силы сельского хозяйства и крестьянская промышленность. Вопросы аграрных отношений автор рассматривал комплексно, связывая этот процесс с переселенческим движением и земледельческой колонизацией. Анализируя состояние экономики западносибирской деревни в конце XIX-начале XX вв., Л. М. Горюшкин отмечал преобладание развитых форм капитализма в районах, приближенных к железной дороге. Тема земельной собственности трактуется им, как «...ключ для понимания земельных порядков и экономических отношений между государственными крестьянами...»². Его тезис о том, что основным владельцем и полноправным распорядителем земли в Сибири являлось государство, оспаривался многими историками. Они справедливо утверждали, что земельные наделы находились в свободном распоряжении крестьян³. В настоящее время этот важный аспект требует дальнейшего рассмотрения. Проблеме формирования крестьянского населения в Сибири в XVIII-первой четверти XIX вв. посвящены труды З. Я. Бояршиновой. Автор пришла к выводу, что активный поток различных категорий зависимого населения в Сибирь был обусловлен феодально-крепостническим гнетом⁴. Н. А. Миненко датирует завершение процесса формирования государственных крестьян в Западной Сибири началом XVIII в⁵. Детальное исследование сословной структуры деревни Урала и Западной Сибири проведено А. А. Преображенским⁶. Большое вни-

¹ Миненко Н. А. Указ. раб.; Колесников А. Д. Указ. раб.; Пундани В. В. Указ. раб.

² Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967. С. 43.

³ Лапин Н. А. Государственные крестьяне южных округов Тобольской губернии в 40-50-х годах XIX в. // Ученые записки Курганского педагогического института. 1963. Вып. 5. С. 105.

⁴ Бояршинова З. Я. Указ. раб.

⁵ Миненко Н. А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни. Новосибирск, 1984.

⁶ Преображенский А. А. Указ. раб.

мание автор уделил категории гулящих людей, полагая, что переход этой группы населения в крестьянское сословие занимал довольно длительный период. Важное направление проблемы составили вопросы о формировании сословной структуры зауральской деревни. В работах Н. И. Никитина показана роль служилых людей в земледельческом освоении Сибири в XVII в¹. В. В. Пундани рассмотрена динамика миграции государственных крестьян из Европейской России, исследован процесс социально-экономического развития государственной деревни Западной Сибири в XIX в². На значение естественной среды в развитии крестьянского хозяйства впервые в отечественной историографии указывала М. М. Громько³. В последующем этот вопрос был рассмотрен Н. А. Миненко с позиций культурно-антропологического подхода, где автор исследует проблему природопользования в рамках системы жизнеобеспечения сибирской деревни и процесса адаптации крестьян к новым условиям хозяйствования⁴.

Проблеме взаимодействия природной и социальной среды посвящены труды В. А. Зверева, В. А. Липинской, Т. С. Мамсик и др⁵. В. А. Зверевым рассмотрен социально-демографический аспект развития семейного крестьянского хозяйства Западной Сибири в XIX в⁶. В целом в 60-80 гг. сибиреведами была разработана крупная проблема аграрной эволюции в Сибири, исследованы социально-экономические изменения в сельском хозяйстве региона, демографические процессы, условия жизнедеятельности крестьян. В научный оборот введен большой фактический материал, что открывало перспективы для дальнейшего, более детального изучения судеб сибирского крестьянства, земледельческого хозяйства, определения типов аг-

¹ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988.

² Пундани В. В. Указ. раб.

³ Громько М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965.

⁴ Миненко Н. А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII—первой половине XIX в. Новосибирск, 1991.

⁵ Зверев В. А. Изменение образа жизни крестьянства в ходе земледельческого освоения Сибири. Новосибирск, 1985; Липинская В. А. Русские сельские поселения // Этнография русского крестьянства Сибири XVII-середины XIX вв. М., 1981; Мамсик Т. С. Указ. раб.

⁶ Зверев В. А. Семейное крестьянское домохозяйство. Социально-демографический аспект. Новосибирск, 1989.

рарной эволюции. Однако выход аграрной проблематики на более современный уровень, характерный для общего крестьяноведения, сдерживался тем, что вне поля зрения ученых по-прежнему оставались вопросы, касающиеся истории крестьянского хозяйства, его типологии и внутреннего строя, производительного потенциала, социальных и экономических параметров, бюджета и др. аспектов.

Для историографии периода 1990-2000 гг. характерными стали поиск новых исследовательских подходов, актуализация проблем крестьяноведения и крестьянского хозяйства¹. Специальное исследование типологии крестьянского хозяйства проведено А. В. Гордоном². Автором раскрыт принцип соединения «общинного архетипа» с архетипом семейного хозяйства, где хозяйственный индивидуализм и коллективистскую мораль он находит взаимобусловленными, а собственно общинный архетип материализовался в крестьянском хозяйстве под видом корпоративного, «артельного» предприятия. М. А. Свищевым выработаны общие принципы функционирования крестьянского хозяйства³.

Т. С. Мамсик исследованы типологические параметры старожильской деревни Западной Сибири, условия функционирования крестьянского хозяйства дореформенного периода. Автором поставлен вопрос о полной неадекватности концепции сибирского феодализма историческим реалиям. При исследовании общих тенденций процесса колонизации Западной Сибири Т. С. Мамсик пришла к выводу, что переселение не является следствием бегства крестьян от крепостной зависимости в более приемлемые условия. Напротив, их действия автор определяет как «...реализацию стремления российского крестья-

¹ Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1992. № 5; Отечественная история. 1998. № 6; Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. Ч. 1, 2. Вологда, 1992; Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 1992-2002.

² Гордон А. В. Типология семейного хозяйствования в крестьяноведении (90-е гг. XIX-90-е гг. XX вв. // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. М., 1999.

³ Свищев М. А. Механизм функционирования крестьянского хозяйства (теоретический аспект) // Крестьянское хозяйство...С. 117-136.

яинства к организации экстенсивного товарного хозяйства с перспективой его превращения в производство буржуазное...»¹. Народный опыт земледелия Зауралья в XVII-XIX в. обобщен в работе В. И. Шадурского². Важный сектор экономики крестьянского хозяйства — кустарное производство в XIX-начале XX вв. исследован в работах В. В. Коновалова и Е. В. Бородулиной³. В. В. Коноваловым установлено, что развитие крестьянских промыслов в Сибири в пореформенный период выразилось прежде всего в привнесении новых производств в районы заселения переселенцами из Европейской России, а также в расширении уже существовавших промыслов среди старожильческого населения. В свою очередь, как определил автор, образование новых промыслов вело к разрушению патриархального хозяйства. Н. С. Половинкиным и В. М. Суриковым показана ЭВОЛЮЦИИ- пашенных орудий труда в крестьянском хозяйстве Урала и Зауралья в XIX-начале XX вв.⁴.

Новые аспекты в проблеме реконструкции облика сибирского крестьянства, условий его жизнедеятельности раскрыты в работах М. М. Громько, А. В. Буганова, О. Н. Шелегиной, М. В. Борисенко⁵.

¹ Мамсик Т. С. Социальная организация фронта в контексте мирового колонизационного процесса по материалам Сибири и Северной Америки // Сибирская деревня... Омск, 1996. С. 43; Она же. Сибирская старожильческая деревня (по материалам массовой волостной статистики // Сибирская деревня... 1998. С. 38.

² Шадурский В. И. Народный опыт земледелия Зауралья в XVII - начале XX вв. Свердловск, 1991.

³ Коновалов В. В. Мелкие промышленники Сибири и большевистская диктатура. Новосибирск, 1995; Бородулина Е. В. Мелкая и кустарно- ремесленная промышленность Тобольской губернии в 1861 - 1917 гг.: Автореф. дисс. к. и. н. Тюмень, 1999.

⁴ Половинкин Н. С, Суринов В. М. Пахари и сохлады Урала и Зауралья конца XIX-XX вв. Тюмень, 1995.

⁵ Громько М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000; Шелегина О. Н. Культура русских сибиряков в XVIII- первой половине XIX вв. как результат адаптации в условиях освоения новых территорий (к постановке проблемы) // Культурное наследие Азиатской России. Тобольск, 1997. С. 85; Борисенко М. В. Семья и двор русских крестьян Западной Сибири в конце XVI-середине XIX вв. СПб., 1998.

Условия взаимодействия крестьянского хозяйства с окружающей средой и опыт природопользования русских крестьян в Западной Сибири исследован С. В. Туровым¹. Значительный круг актуальных на современном этапе проблем, касающихся процесса имущественной и социальной дифференциации крестьян, социально-правовых аспектов землевладения и землепользования в России был рассмотрен на аграрных симпозиумах 2000-2002 гг.² Историками выявлены факторы, влиявшие на дифференциацию сибирского крестьянства в XVI-XVII вв.; определены основные тенденции развития зажиточных хозяйств в начале XX в., традиционные типы зажиточного крестьянства, социально-правовые аспекты крестьянского наделного землепользования и арендные отношения в Западной Сибири во второй половине XIX-начале XX вв.³

Таким образом, в отечественной историографии сделаны значительные шаги в разработке проблемы аграрной эволюции Сибири, накоплен обширный документальный и фактический материал, который подвержен детальному анализу и теоретическому осмыслению на основе различных методологических подходов. При

¹ Туров С. В. Исторический опыт природопользования русских крестьян Западной Сибири (XVIII-первая половина XIX вв.). Автореф. дисс... к. и. н. Тюмень, 2000.

² Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: землевладение, землепользование, производство, менталитет // Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2000; Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты) // Материалы XXVIII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2002.

³ Иванцова Н. Ф., Туяков Н. В. Основные тенденции развития зажиточного крестьянского хозяйства Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Зажиточное крестьянство...; Мамсик Т. С. Традиционные типы зажиточного крестьянства Сибири (итоги математической обработки данных дореформенной волостной статистики) // Зажиточное крестьянство...; Пундани В. В. Социально-правовые аспекты крестьянского наделного землепользования в Урало-Сибирской деревне в первой половине XIX в. // Землевладение и землепользование. С...64; Рязанов В. В. Арендные отношения в Западной Сибири в XIX в. // Землевладение и землепользование... С. 73 и др.

изучении основной акцент был сделан на процесс земледельческого освоения региона и формирование поземельных отношений; складывание режимов земледелия, форм землевладения и землепользования в государственной деревне. Вместе с тем, частное крестьянское хозяйство не было выделено в качестве самостоятельного объекта исследования. Вне сферы исследовательских интересов остались такие принципиально важные вопросы, как генезис и социально-экономическое развитие земледельческого хозяйства, его внутренний строй, механизм функционирования, производительный потенциал, экономический базис, отраслевая структура и специализация, бюджет, типология хозяйственных комплексов. Слабо изученной остается тема, касающаяся эволюции аграрных технологий и влияния на этот процесс механизации сельского хозяйства. Все это указывает на необходимость исследования поставленной проблемы.

Цель и задачи исследования

Автором поставлена цель — показать историческую судьбу земледельческих сообществ в условиях колонизируемой территории, т. е. изучить генезис и социально-экономическую трансформацию крестьянского хозяйства — основы жизнедеятельности крестьян — с кон. XVI до нач. XX вв.; выявить факторы, определяющие динамику развития хозяйственной системы Зауралья. В связи с этим выдвинуты следующие исследовательские задачи:

- раскрыть механизм становления земледельческого хозяйства; выявить общие закономерности и особенности его экономического развития; определить качественные изменения и устойчивые формы в функциональной структуре хозяйственного комплекса;

- исследовать общий ход, этапы заселения территории, типы, функции и процесс трансформации сельских поселений; определить их роль в закреплении и хозяйственном освоении Зауралья;

- рассмотреть процесс формирования сословной структуры государственной деревни; охарактеризовать социально - правовой статус земледельческого населения, формы трудовых отношений; определить специфику сезонного найма в условиях колонизируемой территории;

- показать в динамике основные составляющие и уровень производительного потенциала крестьянского хозяйства;

- исследовать процесс имущественной и социальной дифференциации зауральской деревни, выявить факторы зажиточнос-

ти и обеднения крестьян; определить типы и социальные параметры крестьянских хозяйств;

— рассмотреть отраслевую структуру крестьянских хозяйств южного и северного экономических районов, процесс специализации сельскохозяйственного производства в условиях Зауралья;

— реконструировать бюджеты основных групп крестьянских хозяйств (мелкого, среднего и крупного); определить их экономические параметры.

Объект исследования — крестьянство Зауралья как социально-исторический тип, возникший на основе материальной и духовной деятельности земледельческой цивилизации. Предмет исследования составляет крестьянское хозяйство государственной деревни — главное функциональное звено в экономике региона, которое определяется в широком смысле, во всех взаимосвязях и проявлениях, как идеально-типическая основа для изучения системы жизнедеятельности крестьян.

Хронологические рамки исследования охватывают период — конец XVI-начало XX вв. Необходимость рассмотрения проблемы в таком широком хронологическом диапазоне обусловлена замедленными темпами развития сельскохозяйственной отрасли. Н. И. Вавилов определял земледелие как самый консервативный промысел¹. Исследование хозяйства в течение четырех столетий дает возможность выявить особенности его развития, качественные изменения и устойчивые формы. Нижние рамки исследования — конец XVI в. — определяются начальным этапом заселения и хозяйственного освоения Зауралья русскими. К этому времени относится появление первых указов о закладке за Уралом государевой вотчины. Важными вехами в формировании хозяйственной системы региона стало «Уложение» тобольского воеводы Ю. Я. Сулешева (1623-1624г.) и меры 1782 г. по отмене государственной десятины. Верхние рамки исследования ограничиваются первым десятилетием XX в. — кануном кардинальных социальных и экономических преобразований в сибирской деревне.

Географические рамки исследования определяются территорией Зауралья в границах Тобольской губернии начала XX в., включающей Березовский, Ишимский, Курганский, Сургутский, Тобольский, Туринский, Тарский, Тюкалинский, Тюменский и Ялу-

¹ Вавилов Н. И. Избранные труды. М., Л., 1956. Т. 5. С. 3.

торовский округа. Ввиду значительной протяженности территории, Тобольская губерния отражала специфику не только Зауралья, но и Западной Сибири (естественная среда, этническое и бытовое многообразие населения). Насыщенная гидрографическая схема, многообразие локальных почвенно-климатических и природных зон, двухуровневый ландшафт в совокупности повлияли на формирование в губернии двух природно-экономических районов — южного и северного. Это представляет большой интерес для проведения сравнительного анализа, определения условий социального и экономического взаимодействия между югом, где были сосредоточены основные хлебные житницы, и севером, с его промысловым хозяйством, что определяло особенности развития хозяйственной системы Зауралья.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в отечественной историографии проведено комплексное исследование крупной научной проблемы — истории крестьянского хозяйства Зауралья с конца XVI до начала XX вв. Выработан ряд приемов и методов изучения хозяйственных систем в их историческом развитии на колонизируемой территории, которые могут быть применимы для изучения регионов, стран, обеспеченных значительными земельными ресурсами.

Впервые в сферу исследования вовлечены новые виды документов, документальные комплексы, которые в определенной мере восполнили отсутствие материалов земской статистики в Сибири. Изучение большого массива документов XVII-начала XX вв. позволило по многим позициям выстроить новую концепцию развития крестьянского хозяйства государственной деревни Зауралья. На основе структурного моделирования и комплексного анализа впервые рассмотрен в динамике процесс социально-экономической трансформации земледельческого хозяйства; определен механизм функционирования хозяйственных комплексов южного и северного экономических районов. Впервые реконструирован сословный состав землепользователей, определен их социально-правовой статус; выявлена роль половничества в формировании земледельческого населения государственной деревни; показана специфика имущественной и социальной дифференциации в Зауралье; исследован процесс специализации крестьянских хозяйств; определены особенности сезонного найма и его влияние на развитие производственной деятельности в усло-

виях колонизируемой территории. Впервые проведена реконструкция бюджетов основных групп хозяйств (мелкого, среднего и крупного), определены их экономические параметры.

Научно-практическая значимость работы

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории России и Зауралья; в образовательном процессе при углубленном изучении различных аспектов социально-экономической истории Сибири; при подготовке лекционных курсов и семинаров по проблемам крестьянства. В социально-практическом смысле исследование представляет интерес для работников аграрной сферы, организаторов индивидуальных крестьянских хозяйств.

Методология исследования

Основным методологическим принципом исследования является историзм, посредством которого крестьянское хозяйство рассматривается в становлении и развитии, в связи с порождающими его условиями — естественной средой, динамикой социально-экономических, демографических процессов, системой земельных и общественных отношений и др. Принцип историзма находится в неразрывной связи с объективностью исторического исследования. Комплексный характер исследования предполагает использование системного подхода и основных положений аграрно—типологических концепций крестьяноведения, способствующих определению крестьянства и условий его жизнедеятельности. С этих позиций хозяйство крестьянина рассматривается в системе многомерных оценок: как определяющий признак самого понятия крестьянства; как форма семейной хозяйственной организации; как многофункциональный хозяйственный комплекс; как основа аграрного сектора экономики; как система, состоящая из подсистем, блоков, элементов.

Для проведения комплексного исследования в работе использованы специальные исторические методы: компаративный, историко-типологический, проблемно-хронологический. При изучении экономики крестьянского хозяйства применены общенаучные методы: структурно-системный, статистический, функционального и количественного анализа. Обработка материалов массовой статистической отчетности была проведена на основе структурирования типовых экономических показателей и сравнительного анализа количественных и качественных изменений на опреде-

ленных этапах развития крестьянского хозяйства. Использование структурно-системного метода дало возможность реконструировать основные элементы внутренней структуры хозяйства, механизм их взаимодействия и взаимовлияния. В целом методика исследования позволила выявить системообразующие факторы, обеспечивающие возникновение и функционирование хозяйственного комплекса. Для определения динамики воздействия этих факторов проблема рассматривается расчлененно. Таким образом, создается основа для обобщения явления в целом и объективной реконструкции исторического опыта; определения общих типологических принципов организации хозяйственных систем в регионах, обеспеченных значительными земельными пространствами.

Источниковую основу исследования составили архивные (основная часть) и опубликованные документы, систематизированные по нескольким видам и группам, в соответствии с их происхождением и характером информации.

Законодательные акты центральных ведомств (указные грамоты, царские и императорские указы) отражают общие тенденции управления регионом на уровне метрополии; степень реализации предписанных указов на местах; специфику административного и юридического регулирования процессами колонизации и земледельческого освоения территории; практику поземельных отношений и выработку основных принципов по реализации государством своих прав на землю. Этот документальный комплекс также использовался при рассмотрении процесса формирования двух форм землевладения в Зауралье — официального и обычно — правового. Кроме архивных документов, в работе использованы акты, опубликованные в Полном Собрании Законов Российской империи. По определению W. Mossa, своеобразие этой группы документов заключается в том, что она являлась ядром, вокруг которого формировались все делопроизводственные комплексы (РГАДА. Ф. 214; РГАДА. Ф. 24; РГИА. Ф. 396).

Материалы текущего делопроизводства учреждений различных ведомств XVIII-начала XX вв. включают несколько групп источников. Поземельные акты — купчие крепости, данные, меновые, закладные, жалованные, межевые грамоты — раскрывают механизм становления земледельческого хозяйства, процедуру документирования отведенных земельных угодий; формы землевладения и землепользования, специфику поземельных сде-

лок, таких как купля-продажа, обмен, заклад и т. д. Наказные памяти, документы фискального учета — межевые, умолотные и ужинные книги; рапорты и отчеты волостных правлений и межевых комиссий XVIII - начала XX вв. позволили реконструировать систему трудовых отношений в крестьянской и служилой среде; выявить природу разных форм трудового найма; рассмотреть отраслевую структуру хозяйства и условия его функционирования, определить состояние сельскохозяйственной отрасли на разных этапах развития. Челобитные крестьян и служилых людей способствовали определению уровня и характера отношений податного населения с властью, социально-правового статуса землепользователей, реконструкции системы поземельных отношений и механизма урегулирования земельных споров, форм землепользования и землевладения. Документы фискального учета (ужинные, умолотные и межевые книги) в большей мере имеют отношение к монастырскому хозяйству. На основе этой группы документов рассмотрены особенности его развития, способы контроля властей за состоянием земельных владений монастырей (РГАДА. Ф. 214; ГАТО. Ф. 47, Ф. 31, Ф. 33, Ф. 45 ; ТФ ГАТО. Ф. 3, Ф. 152, Ф. 154, Ф. 156, Ф. 329, Ф. 332, Ф. 335, Ф. 341, Ф. 353, Ф. 417, Ф. 479; ТГИАМЗ. Фонд рукописей). Отдельный комплекс составляют документы XVII - начала XVIII вв., касающиеся прикрепления крестьян к тяглу, оформления условий сезонного, кабального и поденного найма (ГАТО. Ф. 45, Ф. 47). Анализ источников показал, что «посадка новоприбылых в тягло» сопровождалась обязательным определением поручителей из числа старожил или родственников и составлением поручной записи. Найм работников со стороны государства или частных лиц на сезонные и поденные работы в XVII-XVIII вв. оформлялся заключением порядных, подрядных, работных, кабальных записей, где оговаривались двухсторонние условия сделки (ГАТО. Ф. 47).

Важное место в исследовании занимают описи имущества, позволившие определить имущественное положение крестьян, характер материальной культуры сельской среды (ГАТО. Ф. 47).

Массовые статистические источники, ввиду обширности, разделены на четыре группы. Первая объединяет дозорные, переписные, приправочные книги, перечневые списки городов и острогов, ямов — XVII - начала XVIII вв. (РГАДА. Ф. 214), которые отличает высокая информативность. Кроме полных сведений о размерах зе-

мельных угодий, книги содержат информацию о географии переселенцев, численном и сословном составе землепользователей, состоянии земледельческого хозяйства, структуре земельных угодий и режиме земледелия. В переписных книгах основной акцент был сделан на фиксацию наличного населения, что послужило основой для следующей ступени статистического учета населения — ревизских сказок. Сочетание этой группы документов с актовыми материалами и текущим делопроизводством позволило выявить особенности процесса заселения, формирования типов поселений и хозяйственной системы Зауралья в XVII-начале XVIII вв.

Редкую группу источников составляют подворные описи второй половины XVIII в., которые составлялись по инициативе фискальных органов для выявления имущественного положения крестьян и разночинцев (ГАТО. Ф. И 47). В документах фиксировалось количество жилых и хозяйственных построек, расположенных на крестьянском дворе, размеры земельных наделов и посевных площадей, род занятий владельцев, уровень их зажиточности или обеднения и причины этому способствующие. Кроме подворных описей, в 1799 г. в Зауралье составлялись ведомости о подворных крестьянских посевах. Ценность этой группы документов заключается в том, что они содержат сведения о состоянии земледельческого хозяйства и имущественном положении крестьян после отмены государственной десятинной пашни (ГАТО. Ф. 10). Подобная информация имеется и в опросных листах-анкетах конца XIX в., посредством которых изучалось мнение крестьян о необходимости создания в губернии сети хлебозапасных магазинов (ТФ ГАТО. Ф. 417). По инициативе Тобольского губернского статистического комитета в 1897 г. листы заполнялись в сельских обществах по каждому округу, где в частности указывались годовые нормативы потребления хлеба для трудоспособных членов семей, подростков и престарелых; численность «нищих, бродяг и бедных», а также причины, способствующие их обнищанию (ТФ ГАТО. Ф. 417). Обобщение этих данных позволило выявить причины бедности крестьян и численность недееспособных хозяйств, вовлеченных в процесс социальной дифференциации; годовой потребительский уровень в хлебе по каждому округу. В совокупности эти сведения способствовали реконструкции основных расходных статей в бюджете крестьянского хозяйства.

В третью группу включены материалы IV-X ревизий и Первой всеобщей переписи населения Тобольской губернии 1897 г. (ТФ

ГАТО. Ф. 154, Ф. 417). Эти источники легли в основу исследования демографических процессов в государственной деревне, способствовали выявлению общих тенденций и динамики внешних и внутренних миграций, определению географии переселенцев, структурного, численного, возрастного состава семей; рассмотрению процесса трансформации сельских поселений со второй половины XVIII-до конца XIX вв. При исследовании экономики крестьянского хозяйства одно из главных мест заняли материалы переписи 1897 г. Подворные листы переписи содержат сведения о трудовом ресурсе семьи, основных и «побочных» занятиях крестьян. На основе подворных и опросных листов (анкет) за 1897 г. была реконструирована отраслевая структура крестьянских хозяйств, что в свою очередь сделало возможным исследование процесса отраслевой дифференциации и специализации хозяйственных комплексов в южном и северном экономических районах. Учитывая значительный объем первичной документации переписи, для исследования этого вопроса была предпринята группировка данных переписных листов по 10 хозяйствам из каждой волости и округа Тобольской губернии. Полученные материалы по ведущим и вспомогательным отраслям были дополнены опубликованными данными о хозяйствах, специализирующихся на кустарных промыслах (ТФ ГАТО. Ф. 147). Эти сведения в совокупности составили основу для реконструкции отраслевых районов на территории Тобольской губернии, определения удельного веса хозяйств, специализирующихся на той или иной отрасли, а также выделения самостоятельной группы хозяйств с комплексной отраслевой структурой.

Ценные сведения для определения экономического состояния крестьянского хозяйства в XIX-начале XX вв. содержит четвертая группа документов — статистическая отчетность органов управления: ведомости волостных и уездных судов, реестры, росписи, списки и таблицы волостных и уездных правлений, отчеты губернаторов (1874-1914 гг.) с приложением ко всеподданнейшему отчету, «Обзоры Тобольской губернии», опросные листы за 1897-1904 гг. (РГИА. Ф. 396, Ф. 1290; ТФ ГАТО. Ф. 152, Ф. 185, Ф. 332, Ф. 417). Губернские отчеты и «Обзоры», несмотря на несовершенную обработку данных, разного рода корректировку показателей со стороны чиновников, содержат необходимые данные о динамике урожайности, размерах посевных площадей, ценах на основную сельскохозяйственную продукцию. Для наи-

большей достоверности, к анализу были привлечены материалы текущей документации — рапорты волостных правлений о доходах и расходах, ведомости о численности скота, статистические отчеты о состоянии округов, ведомости о ценах на хлеб и т. д. Отсутствие земской статистики за Уралом частично компенсируется статистическими исследованиями крестьянских хозяйств, которые проводились в 80-90-х гг. по инициативе Министерства государственных имуществ, в целях упорядочения в Сибири системы налогообложения. Для сбора первичного материала привлекались добровольные корреспонденты, представители агрономических служб губернии, чиновники особых поручений. Результаты статистического обследования хозяйств были опубликованы в многотомном издании «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири». Эти сведения, в комплексе с документами текущего хозяйственного учета, отчетами губернатора, переписными и опросными листами, нормативами затрат на производство единицы продукции и внутренние потребности семьи, текущими ценами за 1897 г., дневниковыми записями крестьян, позволили произвести реконструкцию приходной и расходной частей бюджетов крестьянских хозяйств, определить уровень их доходности (РГИА. Ф. 1290; ТФ ГАТО. Ф. 154, Ф. 329, Ф. 185, Ф. 417).

Исключительный интерес для исследования крестьянского хозяйства представляет источник эпистолярного жанра — «Книга на записку хлебов, пашен и покосов», где ежегодно, с 1843 по 1899 гг. крестьянин А. Д. Никитин фиксировал все хозяйственные операции. Особую значимость имеет регулярность, с какой осуществлялись записи, что важно для проведения сравнительного анализа показателей. В настоящее время это почти единственный сохранившийся источник эпистолярного жанра, бытовавший в крестьянской среде. Его записи за 1897 г., в совокупности с материалами переписи 1897 г., статистическими данными, нормативами и др. документами, легли в основу исследования бюджета крупного хозяйства. Регулярное фиксирование данных о севооборотах и урожайности по каждому полю в течение 56 лет позволило определить режимы земледелия средней полосы таежной зоны Зауралья, динамику урожайности зерновых культур, объем производства сельскохозяйственной продукции в течение года и т. д. Большое значение в раскрытии темы играет эпистолярное наследие

Н. Л. Скалозубова. Его дневники и переписка содержат ценные сведения о состоянии крестьянского хозяйства Зауралья в конце XIX-начале XX вв. (ТФ ГАТО. Ф. 147). Длительная служба в Зауралье позволила Н. Л. Скалозубову, как и его коллегам по агрономической службе, в значительной мере отойти от взгляда «европейца» на хозяйство крестьянина-сибиряка, увидеть его специфику и достоинства. На основе комплекса документов из фонда Н. Л. Скалозубова рассмотрено экономическое состояние крестьянского хозяйства в конце XIX-начале XX вв.

Обширный материал о сельских населенных пунктах Зауралья содержит другой вид источников — географические и статистические словари, Списки населенных мест Тобольской губернии (1869-1912 гг.). Выявленные данные использованы при исследовании типов сельских поселений. Следующий вид источников — материалы центральной и местной периодической печати — журналы Министерства государственных имуществ, «Сибирские вопросы», «Хозяин»; газеты «Сибирский листок» и «Тобольские губернские ведомости». Они включают серию публикаций, посвященных актуальным для того периода вопросам землевладения и землепользования, опыту хозяйствования и др.

Апробация полученных результатов

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета. Основные положения и результаты исследования докладывались на 15 всероссийских и региональных научных конференциях в Москве, Калуге, Екатеринбурге, Омске, Тюмени и Тобольске в 1992-2003 гг. Содержание диссертации отражено в четырех монографиях, статьях, тезисах докладов и выступлений общим объемом 74,5 п. л. Материалы диссертации использованы автором при подготовке трех учебных пособий, двух сборников архивных документов XVII-начала XVIII вв., «Энциклопедии Ханты-Мансийского округа», «Энциклопедии Тюменской области», «Летописи Тобольских деревень»; разработке и чтении вузовских курсов по отечественной и региональной истории.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Во **введении** обосновываются научная значимость и актуальность темы исследования, рассматривается степень ее научной разработки, формулируются цель и задачи работы, ее географические и хронологические рамки, определяются объект и предмет исследования, характеризуются методология и источниковый потенциал исследования.

В **первой главе** — «**Социально-экономическая трансформация земледельческого хозяйства Зауралья**» рассматривается процесс заселения и формирования системы сельских поселений на территории Зауралья, определяются их типы, функции и роль в закреплении и хозяйственном освоении земель. Проведена реконструкция сословной структуры государственной деревни, исследован процесс социально-экономической трансформации земледельческого хозяйства Зауралья.

В процессе заселения территории Зауралья русскими переселенцами выделено несколько этапов. В конце XVI-первой половине XVII вв. закрепление территории сопровождалось частичным земледельческим освоением средней и южной полосы региона и промысловым (пушным) в отдельных районах Северо-Западной Сибири (междуречье Туры, Тобола, Исети, Пышмы, Вагая, Иртыша и Оби). Этот период характеризуется как начальный этап формирования стационарной системы сельских поселений в регионе. Механизм становления земледельческих поселений включает переход от временного (избушки, заимки, починка, отъезжей пашни) к постоянному сельскому населенному пункту деревне-двор.

В работе исследуется поэтапная трансформация основных типов сельских поселений с конца XVI до начала XX вв. Установлено, что стационарные поселения под влиянием внешних и внутренних факторов меняли свой тип, сохраняя при этом место развития. В свою очередь для мобильных типов (выселки, заимки и пр.) была характерна смена не только места расположения, но и функционального назначения. В целом для Зауралья возникновение временных поселений являлось одним из устойчивых, не меняющихся процессов деревенской жизни. В ряде случаев временные поселения переходили в стационарные. Устойчивость сельского населенного пункта зависела от выбора места под поселение (обеспеченность земельными угодьями, природно-сырьевым ресурсом, водоемом) и демографической ситуации.

Для второй половины XVII в. характерна активизация внешнего миграционного потока в Зауралье черносошных крестьян из северных и северо-восточных районов России и складывание основного ядра постоянных сельских поселений в уездах Тобольского разряда. В этот период в средней полосе региона основным типом поселений являлись однодворные и малодворные деревни; на юге — комплексный тип «острог-слобода», совмещающий земельные и оборонительные функции. После снижения военной опасности основная часть острогов, расположенных на южной оборонительной линии, становится земельными слободами.

В первой четверти XVIII в., в связи с официальным переводом всех категорий сельского населения в сословие государственных крестьян, на территории Зауралья ямские поселения трансформируются в деревни. Общую тенденцию заселения региона в XVIII в. составлял активный приток населения в южные районы, посредством внешней миграции и смещения части крестьян из старозаселенных уездов. Во второй половине XVIII в., ввиду отмены государственной десятины, в районах нерентабельного земледелия наметилась отраслевая переориентация мобильных поселений — заимок. В связи с введением системы волостного деления, часть деревень и слобод получает статус сел — административных волостных центров.

Важную особенность этого периода составляло изменение в хозяйстве южной зоны структуры производительных сил. Главным фактором, элементом производства здесь выступает чернозем. Крестьяне, пришедшие из северных уездов региона в погоне за хорошими землями, проигрывали в другом. В этих почвенно-климатических условиях потенциал земледелия снижался из-за регулярных засух, масштабных разливов, экспансии вредителей и т. п., что периодически приводило к разрушению производительных сил земледельческого промысла. Наиболее зримо это явление проявилось в конце XIX в. Так, в 1894 г. зафиксировано вымирание целых деревень в Курганском, Ишимском и Ялуторовском округах. Таким образом, процесс освоения южных районов Зауралья, с одной стороны, сопровождался введением в хозяйственный оборот значительных массивов плодородных земель, с другой — демографическим спадом, ввиду высокой смертности населения.

Во второй половине XIX—начале XX вв. на территории Зауралья сложились компактные зоны проживания русского старожиль-

ческого населения. В малоземельных районах часть заимок и выселков трансформируется в постоянные сельские поселения. Этому способствовали — демографическая ситуация в регионе, изменение гидрографической схемы рек в зонах активного течения, что в большей мере характерно для округов северного экономического района, сосредоточенных в бассейне Иртыша. В пореформенный период прослеживается переориентация части земельных заимок на переработку растительного и животного сырья. К началу XX в. приток населения в Тобольскую губернию значительно сократился. Размещение прибывших переселенцев осуществлялось на казенных земельных участках, приписанных к ведомству переселенческого управления. В этот период расселение новоприбылых крестьян в районах компактного проживания старожильского населения сопровождалось обострением противоречий между ними и новоселами. Мотивом для конфронтаций служила практика ежегодных земельных переделов, а также растущее малоземелье, что ущемляло интересы старожилов.

Таким образом, структура сельских поселений Зауралья в течение исследуемого периода претерпела существенные изменения, что было обусловлено мерами правительства по регулированию колонизационного процесса, снижением военной опасности, динамикой миграции населения, демографической ситуацией. Устройство сельских населенных пунктов обеспечивало хозяйственное освоение земель за Уралом. В процентном соотношении на начало XX в. в Тобольской губернии деревни составляли 82,2%, села 5,6%, заимки 3,8%, выселки 5,4%, поселки 3,4%. Деревня, как крестьянская институция включала природно-сырьевой и экономический ресурс, систему социально-экономических отношений. В совокупности это обеспечивало необходимые условия для развития семейного крестьянского хозяйства — основного производящего звена в экономике региона.

Словный состав государственной деревни Зауралья изначально определялся спецификой колонизации, которая на раннем этапе проходила в условиях преобладания присваивающей экономики аборигенного населения с элементами очагового земледелия. Ввиду отсутствия местной хлебопроизводящей базы и срывов поставок хлеба из Европейского Севера, проблема продовольствия в Зауралье остро проявилась в начале XVII в. Сложившаяся ситуация способствовала выработке мер по привле-

чению к хлебопашеству всех категорий прибывающего в регион населения, где преобладали служилые люди. В начале XVII в. в состав землепользователей входили рядовые служилые люди — пешие и конные казаки, стрельцы, пушкарки, затинники, бронники и др.; служилая знать, выписные и беломестные казаки, казачьи дети, пашенные, оброчные и монастырские крестьяне, гулящие люди, разночинцы, бобыли, захребетники, серебряники, срочные работники, вкладники, трудники, дворовые люди, крепостные, детеныши и др. Переход неземледельческих групп населения в официальный статус землепользователей обычно проходил безболезненно, ввиду значительных земельных просторов, имеющейся возможности перехода от одного режима эксплуатации земли к другому, более совершенному, и стимулирующей этот процесс политики государства. Получив земельный надел и льготную подмогу, они в короткие сроки становились самостоятельными землевладельцами, в достаточной степени обеспеченными производительным потенциалом для ведения собственного хозяйства.

Сопоставление большого количества архивных материалов показало, что в состоянии половничества пребывали почти все неземледельческие группы переселенцев, причем численно преобладали гулящие люди и бобыли. Это дает основание отказаться от прежнего трактования половника как самостоятельной категории феодально-зависимого населения. В данном случае половничество проявляется как механизм перехода нетяглого населения в тяглое на определенных условиях трудового найма. По своей природе эта форма найма отличалась от отработки долговой и кабальной зависимостей. Быстрое становление переселенцев как самостоятельных хозяев изначально сдерживало распространение здесь найма дешевой рабочей силы на кабальных условиях. Получение «собинного» земельного надела сопровождалось оформлением поручной записи, которая обязывала нового дворохозяина нести ответственность за исправное несение тягла.

До первой четверти XVIII в. единственным регулирующим инструментом государства по формированию устойчивой сословной структуры земледельческого населения была дифференцированная поземельная рента. Юридическо-правовой статус земледельческого населения в этот период определялся тяглыми обязательствами перед государством и нормами обычного права.

Отметим, что в условиях Зауралья эти тенденции сохранялись и в более поздний период. В 1724 г. официально оформляется сословие государственных крестьян, но процесс сословной консолидации в регионе протекал вплоть до второй половины XIX в. Для сельского общества была свойственна сословная мобильность, что определяет его как относительно открытую систему. В XIX в. в сословной структуре зауральской деревни государственные крестьяне составляли 79,8%, экономические крестьяне 10,7, помещичьи крестьяне 1,4, мещане и цеховые 8,1 %. К началу XX в. численность государственных крестьян возросла до 90 %. Важно отметить, что динамика этого процесса определялась не декларацией официального закона, а реалиями крестьянской жизни, наглядно показывающей, что пребывание в статусе государственных крестьян не было обременительно для лиц, ранее пребывающих в других сословных группах.

Для понимания сущности аграрной эволюции в условиях колонизируемой территории важно исследование генезиса и развития главного звена хозяйственной системы - крестьянского хозяйства. В течение длительного времени оно взаимодействовало с хозяйствами служилых людей и монастырских крестьян. В процессе постепенной трансформации этих групп землепользователей в сословие государственных крестьян, отдельные элементы их практики органично вошли в структуру крестьянского хозяйства. В совокупности с другими факторами это определяло специфику развития хозяйственной системы региона. Начальным этапом формирования хозяйственного комплекса являлся выбор плодородных земельных угодий и определение структуры землепользования. В этот период хозяйство находилось в статусе временной отъезжей пашни, починка, заимки. В последующем, если данный вариант оказывался оптимальным, земледельческий комплекс подлежал документальному оформлению в воеводской канцелярии. Фамилия владельца регистрировалась в крестьянской книге на основании составленного «доезда», где приказчик фиксировал межевые ориентиры и подтверждал факт первого владения этими землями. Затем земельный надел санкционировался в воеводской канцелярии и владельцу выдавалась данная, служившая основанием для пользования этими угодьями на условиях несения тягловых обязательств. С этого момента временная сезонная пашня переходила в статус стационарного земледельческого хозяйства.

С конца XVI до середины XVII вв. развитие хозяйственного комплекса шло по типичной схеме организации натурально-замкнутого хозяйства. Со второй половины XVII в., ввиду изменения демографической ситуации в регионе (приток переселенцев и естественный прирост населения), наблюдается слияние замкнутых однодворных деревень в малодворные, расширение схемы транспортных коммуникаций. В условиях больших территорий и слабых рыночных связей тракты обеспечивали основной сбыт сельскохозяйственной продукции, ввиду возросшего потребительского спроса. Усиление натурального и товарного обмена стало определенным импульсом для развития экономики натуральных хозяйств, частичному их переходу на уровень мелкотоварного.

В первой четверти XVII в. 53% обрабатываемых земель в Верхотурско-Тобольском хлебопроизводящем районе принадлежало служилым людям, 47% — пашенным, оброчным и монастырским крестьянам. Процесс организации хозяйства служилых людей носил двойственный характер. С одной стороны, его создание было обусловлено мерами по переводу служилых людей на «службу с пашни», с другой, — целенаправленной деятельностью властей по формированию из рядового служилого контингента разряда постоянных земледельцев после снятия военной опасности на границах. С середины XVIII в. в Зауралье наблюдается активный переход основной части служилых людей в сословие государственных крестьян, где переходную стадию составляла категория разночинцев. В южной пограничной зоне земледельческое хозяйство продолжало бытовать в среде выписных, беломестных и линейных казаков вплоть до начала XX в. Наряду с общими принципами функционирования земледельческого хозяйства, основные отличия хозяйства служилых людей от крестьянского составляла структура землепользования, где преобладали сенокосные угодья и специализация большей части дворохозяев на скотоводстве. Хозяйственную практику казаки совмещали с несением военной службы, чем обусловлено введение для этой группы хозяйств льготного налогообложения.

На динамику развития монастырского земледельческого хозяйства оказывала влияние политика государства, направленная в целом на сдерживание роста монастырских и церковных владений в Сибири. Вводимые ограничения способствовали фор-

мированию в монастырских вотчинах трехполья, как оптимального варианта, не требующего вовлечения в хозяйственный оборот большого количества земель. Ввиду высокой трудоемкости трехпольного хозяйства, монастыри использовали практику принудительного труда, привлекая для этих целей «людей колмыцкой породы» из числа пленных, для ухода за скотом и внесения удобрений на поля. Потребность в органических удобрениях способствовала формированию в отраслевой структуре монастырского хозяйства развитого скотоводческого комплекса.

Несмотря на вводимые властью ограничения, монастыри наращивали свои земельные владения посредством вкладов «за помин души», закладов за долги, покупки, обмена, прямого захвата, «государевых пожалований по указу», добровольных пожертвований. В 40-60-е гг. XVIII в. в малоземельных районах получает распространение захват монастырских земель казенными крестьянами. Однако подобная практика была характерна и для монастырей. Активизация деятельности монастырей по наращиванию своего земельного фонда, особенно на юге Зауралья, обусловила принятие государством мер по секуляризации церковных и монастырских земель. В этот период экономика монастырского хозяйства находилась на уровне натурального и мелкотоварного. В отраслевой структуре зажиточных хозяйств монастырских крестьян наметилась специализация на скотопромышленности. После секуляризации основной земельный фонд церкви переходит в казенное ведомство в качестве хозяйства экономических крестьян, которое после 1811 г. постепенно сливается с хозяйством государственных крестьян. В конце XIX-начале XX вв. земельные владения церкви и монастырей официально ограничивались держанием ведомственных подсобных хозяйств и дач. Вместе с тем монастыри продолжали практику наращивания земельных владений, которая на данном этапе носила скрытый характер.

Политика метрополии по формированию на востоке государственной вотчины изначально была направлена на ограничение любых форм частного землевладения, что определило особый статус казенных (пашенных и оброчных) крестьян. Развитие крестьянского хозяйства на начальном этапе стимулировалось государством посредством предоставления льгот и ссуд. После окончания «льготных лет» наблюдается усиление фискального надзора за количеством обрабатываемых в хозяйствах пашенных

земель. В свою очередь крестьяне создавали дополнительное резервное хозяйство (дальнюю пашню, заимку, избушку и пр.) для получения заработка, не облагаемого налогом. Причиной создания резервного хозяйства также было стремление крестьян уйти от насильственной регламентации хозяйственной деятельности и навязывания властями трехпольной системы земледелия.

Со второй половины XVIII в. в Зауралье наметился переход части натуральных хозяйств на уровень мелкотоварного и товарного (в узком смысле, с его примитивными чертами товарности). Меры по отмене натуральных и введению денежных повинностей способствовали включению трактовых и пригородных зон в товарно-денежные отношения, что усилило процесс имущественного расслоения, определило начальный этап социальной дифференциации в крестьянской среде. Периферию, с преобладающим типом натурального хозяйства среднего достатка, этот процесс затронул в меньшей степени. Отмеченные тенденции сохранялись в государственной деревне до середины XIX в.

Уровень развития крестьянского хозяйства находился в прямой зависимости от динамики демографических процессов, интенсивности внешней и внутренней миграции, степени аграрного перенаселения и других факторов, определяющих рост реального малоземелья в регионе. В пореформенный период в Зауралье сложилось устойчивое земледельческое хозяйство с признаками сословности, ввиду сохранения поземельной практики в служилой среде и церковном ведомстве.

Во второй главе «Земледельческий комплекс и производительный потенциал крестьянского хозяйства» исследуются формы землевладения и землепользования в государственной деревне; характеризуются системы земледелия и условия функционирования земледельческого хозяйства; рассматривается его производительный потенциал.

В условиях Зауралья специфику землевладения определял двойственный характер. С одной стороны официальным юридическим правом владения землей обладало государство, с другой — фактическим распорядителем земельного фонда были землепользователи, которые самостоятельно осуществляли поземельные сделки (купля-продажа, обмен, заклад, вклад, передача по наследству и пр.). Основой для подобных действий крестьян было их право владения «по старине», т. е. факт первичного возделывания

вания целинного участка. Реализация государством своих прав на землю осуществлялась посредством контроля за несением крестьянами тяглых обязательств, взимания дифференцированной поземельной ренты и платы за аренду казенных земель.

С XVIII по XIX вв. основным средством приобретения земли являлся регулированный отвод в соответствии с установленной общиной душевой нормой. При этом общинный передел не затрагивал участки с правом владения «по старине» и «росчисти». К началу XX в. землевладение сочетало общинные и индивидуальные формы. Удельный вес частновладельческих хозяйств составлял не более 3%. На данном этапе главную особенность землевладения в Зауралье составляло несоответствие юридической собственности государства и фактического распоряжения землей крестьянами. Как и в прошлые периоды, государство осуществляло свои права на землю посредством поземельных налоговых сборов. Основной сферой, на которую распространялось ведомство государства при регулировании поземельных отношений, являлся резервный фонд казенных оброчных статей. При этом на территории сельских обществ в основе системы распределения земельного фонда лежали обычно-правовые нормы. Практически все меры властей по реформированию системы поземельного устройства выверялись сельским миром на уровне института обычного права, где вырабатывался адаптивный механизм их реализации, с учетом реальной ситуации на местах и интересов крестьян.

В земледельческой практике крестьян Зауралья преобладал экстенсивный режим земледелия. В условиях больших земельных пространств залежно-переложное земледелие являлось менее трудоемким, в отличие от интенсивного трехполья. В свою очередь уже на раннем этапе становления земледельческого хозяйства со стороны властей предпринимались меры по насаждению практики трехполья. В силу специфики биоклиматических условий, этот режим земледелия получил распространение только в средней лесо-таежной зоне (междуречье Иртыша, Тобола и Вагая). При этом казенные крестьяне практиковали чередование трехполья с перелогом. В «чистом» виде трехполье бытовало в хозяйстве монастырей. По сравнению с залежно-переложным, этот режим земледелия функционировал стационарно, в условиях ограниченного земельного фонда. Интенсивная обработка пашни, характерная для трехполья, порождала потребность использова-

ния форм принудительного труда. Нечто аналогичное можно обнаружить в практике американского земледелия. Высокотехнологичные культуры — табак, хлопок и др., порождали спрос на рабов-негров, а впоследствии эмигрантов из Мексики, Китая, Японии и др.

В целом на территории Зауралья в земледельческой практике преобладал комплексный режим, сочетающий, в зависимости от биоклиматических условий, в северных округах перелог и трехполье с навозным удобрением; в южных округах перелог и трехполье с практикой чистых паров, используемых для восстановления плодородия почв на черноземье. Общую специфику развития земледелия в регионе составлял выбор оптимального варианта агротехники, приспособленной к конкретным условиям местности. До пореформенного периода два основных типа земледельческих хозяйств — трехпольное и залежно-переложное (паровое) — развивались параллельно. Затем, по ряду причин, обусловленных активизацией товарно-денежных отношений, наметилось слияние интенсивного и экстенсивного режимов земледелия посредством соединения ведущих элементов производства. Для первого типа включение в рыночные отношения требовало расширения посевных площадей, что влекло за собой усовершенствование земледельческих орудий. В определенной мере этому способствовало развитие в регионе обмена производственными достижениями в сельскохозяйственной отрасли. Развитие второго типа хозяйств на данном этапе определялось усовершенствованием агротехники и повышением урожайности зерновых культур, т. е. его интенсификацией. Слияние этих отдельных элементов, наработанных в рамках определенного режима эксплуатации земли, наглядно проявляется в изобретении сохи-пермянки. В северных районах бытовала оглобелная соха, у которой под влиянием интенсивных форм землепользования был усовершенствован однолемешный сошник. На юге конструкцию сохи улучшили соединением лемеха с колесным передком и боганой (грядилем). На следующем этапе произошла контаминация, т. е. соединение наиболее усовершенствованных элементов южного и северного вариантов — однолемешного сошника и колесного передка с боганой. В результате было создано довольно совершенное по тем временам пахотное орудие — колесная соха «пермянка», максимально приспособленная к условиям Зау-

раля. В течение исследуемого периода производительность земледельческого хозяйства зависела от состояния трудового ресурса, наличия орудий труда и площади земельных угодий, которая в свою очередь определялась внутренними потребностями семьи, установленным размером земельной ренты и режимом земледелия. С XVII до второй половины XVIII вв. в среднем на одно хозяйство в Зауралье приходилось от 15 до 18 десятин земли, с амплитудой колебания от 3-х до 40 и более десятин. В этот период размер земельного надела регламентировался социальным заказом властей. После отмены десятинной пашни и введения денежного налога в районах нерентабельного земледелия размеры посевных площадей у значительной части хозяйств были сокращены до уровня потребительских норм семьи и в среднем составляли 3-6 десятин на 1 двор в зависимости от количества едоков. В пореформенный период наблюдается повсеместная дифференциация размеров земельных наделов, что было обусловлено расширением сферы арендных и товарно-денежных отношений.

У мелких хозяйств южных округов губернии на один двор приходилось от 2 до 8 дес. пашни, в северных соответственно от 1,5 до 2 дес. У средних и крупных хозяйств этот показатель колебался от 10 до 50 и более десятин, в зависимости от уровня производительных сил. Эта тенденция в практике хозяйств сохранялась до начала XX в.

При рассмотрении элементов сельскохозяйственного производства и их воздействия на развитие крестьянского хозяйства во второй половине XIX в., выявлен уровень соотношения в производстве сельскохозяйственных машин и доли ручного труда. В условиях Зауралья процесс использования сельскохозяйственных машин начался с сохи-пермянки на колесах, а завершился применением в 90-х гг. XIX в. техники американского производства, рассчитанной на распашку значительных земельных пространств. Приток в регион новых орудий, технически более совершенных, но требующих адаптации к местным почвенно-климатическим условиям, в свою очередь стимулировал развитие кустарного производства сельскохозяйственной техники на базе крестьянских хозяйств. Местные мастера при изготовлении техники использовали зарубежный опыт и в ряде случаев дублировали наиболее приемлемые конструкции и агрегаты.

Что касается использования человека как трудового ресурса, то следует отметить высокие тарифы на наемный сезонный труд в регионе, что обуславливалось известной независимостью крестьянина от работодателя и широкими возможностями для ведения собственного хозяйства (наличие большого резерва свободных земель; ресурсы плодородия западносибирских равнин). Это обстоятельство значительно снижало уровень социальной конфронтации в земледельческих сообществах Зауралья.

Структура производительных сил земледельческого хозяйства определялась его отраслевым профилем и составом сельскохозяйственных культур. Развитие товарно-денежных отношений и проведение на юге региона Транссибирской магистрали оказали существенное воздействие на рост производительного потенциала хозяйств. Основные изменения претерпело хозяйство южной зоны, что было обусловлено развитием маслоделия. В скотоводстве с конца XIX в. предпринимались меры по улучшению пород животных, а также разрабатывались проекты по условиям его правильного содержания. В совокупности это составило важную веху в развитии производительного потенциала крестьянского хозяйства Зауралья.

В третьей главе «Экономика крестьянского хозяйства» исследуется процесс имущественной и социальной дифференциации государственной деревни, реконструируется отраслевая структура крестьянских хозяйств южного и северного экономических районов, определяется специализация сельскохозяйственного производства, анализируются бюджеты мелкого, среднего и крупного крестьянских хозяйств.

При изучении проблемы имущественной и социальной дифференциации была изменена традиционная схема деления хозяйств на бедные, средние и богатые. На основе группировки данных (размеры земельных наделов, численность трудоспособных членов семьи, количество рабочего и продуктивного скота), выделены четыре основных группы хозяйств, которые в процентном соотношении, с учетом колебаний, распределились следующим образом: недееспособные (2-3%), мелкие (12-18%), средние (70-80%), крупные (2-4 %). Под воздействием многих факторов процентное соотношение этих показателей могло быстро меняться. Наиболее мобильными группами являлись мелкие и средние хозяйства. Динамика показателей по этим группам находилась в

прямой зависимости от роста доходности мелких хозяйств, механически переходящих в группу средних. В свою очередь в неурожайные годы определенная часть средних хозяйств перемещалась в группу мелких. Наиболее высокий показатель роста численности средних хозяйств пришелся на конец XIX в., в связи с переориентацией отрасли животноводства на маслоделие, что способствовало увеличению доходов крестьян. Однако предложенная статистика адекватно отражает действительность лишь в пределах достаточно узкого хронологического периода (конец XIX-начало XX вв.).

Имущественное расслоение крестьян на начальном этапе определялось состоянием природной среды, которая являлась базовым экономическим ресурсом хозяйственного комплекса. Динамика этого процесса зависела от воздействия ряда социальных и экономических факторов. Имущественное расслоение по своей природе существенно отличалось от социального. В условиях Зауралья предпосылки к имущественному неравенству начинают складываться в земледельческих сообществах уже в начале XVII в. На новом месте экономический базис хозяйства строился на основе имущества, привезенного с собой, личных сбережений, льгот и подмог, предоставленных государством, работы в течение ряда лет «на себя», без уплаты налогов, трудового ресурса семьи. Одним из определяющих факторов наращивания экономического потенциала хозяйства являлось его место развития, с учетом максимальной сбалансированности земельных угодий, уровня репродуктивности почв. Изучение проблемы показало, что не каждое хозяйство, имеющее земельный надел, было дееспособным и, напротив, безземельное хозяйство — малоимущим, ввиду выбора крестьянами наиболее оптимальной формы организации хозяйства, его отраслевой структуры. В условиях богатого природного ресурса часть крестьян, после введения денежных повинностей, занималась отходом, кустарно-промышленной деятельностью, добывающими промыслами и др. неземледельческими занятиями, следуя в ряде случаев опыту автохтонов. Отмеченные тенденции были характерны в основном для районов убыточного земледелия. Уровень зажиточности хозяйств изначально зависел от внутреннего режима экономии, качественной обработки полей, трудового ресурса семьи, предприимчивости и трудолюбия. Основными факторами «обеднения» хозяйств были: снижение чис-

ленности трудоспособных членов семьи; регулярные неурожаи и наводнения; отрыв крестьян от полевых работ на другие «сторонние» работы; нестабильные цены на хлеб, ввиду отсутствия в губернии до середины XIX в. регулируемого рынка и др. Низкий уровень благосостояния крестьян зависел также от «нерадения» и «лености», отсутствия предпринимательской инициативы. На экономическое состояние хозяйств оказывали влияние семейные разделы. Дальнейшее становление хозяйства отделившейся семьи зависело от того, в какие экономические условия оно попадало. В первые годы, несмотря на земельную свободу, основная часть таких хозяев обрабатывала небольшие участки земли, ввиду низкого уровня производительных сил хозяйства.

Природа имущественного расслоения определялась дифференциацией экономического базиса хозяйств и в принципе не зависела только от уровня развития товарно-денежных отношений и степени включения хозяйства в рыночную инфраструктуру. В условиях Зауралья этот процесс был характерен как для товарных, мелкотоварных так и натуральных хозяйств. В целом процесс дифференциации в государственной деревне Зауралья осуществлялся в условиях преобладания хозяйств среднего достатка. Ввиду замедленных темпов развития сельского хозяйства, более интенсивно имущественное расслоение проходило в зонах, приближенных к трактам и городам, обеспечивающих сбыт сельскохозяйственной продукции. Со второй половины XIX в. эти процессы распространяются в отдаленные районы губернии.

В отличие от имущественного расслоения, которое было характерно для всех групп хозяйств, социальное распространялось только на две крайние группы — недееспособные и крупные, которые резко отличались по основным социальным и экономическим параметрам. В ходе социального расслоения они приобретали иной социальный статус, переходили на другой уровень социально-экономических отношений. Для богатых крестьян, отделившихся от крестьянского сообщества, было свойственно соединение на основе товарно-денежных отношений ведущих отраслей хозяйства — земледелия и скотоводства с последующей переработкой производимой продукции, либо специализация на торгово-посреднической деятельности.

Другая группа крестьян (пауперов) в ходе социального расслоения переходила в состояние недееспособных, пополняя слой ни-

щих, бродяг, а также батраков, поденных работников. Что касается распределения этих категорий населения в пределах губернии, то основная их часть была сосредоточена в округах южного экономического района, где хозяйство было подвержено более активному воздействию естественных и социально-экономических факторов. В конце XIX-начале XX вв. экономические параметры крестьянских хозяйств, функционирующих в условиях Зауралья, определялись следующими показателями: 1) мелкое хозяйство: пашни — от 2 до 5 1/2 десятин; рабочих лошадей — от 2 до 3 голов; дойных коров от 2 до 4 гол.; мелкого скота от 6 до 10 гол.; 2) среднее хозяйство : пашни от 5 до 15 дес; рабочих лошадей от 4 до 15 гол.; дойных коров от 5 до 30 гол., мелкого скота от 15 до 50 гол.; 3) крупное хозяйство: пашни от 15 до 50 дес. и более; рабочих лошадей от 15 до 50 гол. и более; дойных коров от 10 до 60 гол. и более; молодняка скота от 20 до 100 гол. и более, мелкого скота от 30 до 100 гол. и более. Широкая амплитуда колебаний показателей по трем указанным группам хозяйств связана с тем, что благосостояние крестьянского двора определялось не только уровнем его производительного потенциала, но и природно-климатическими условиями, рыночной конъюнктурой. И то и другое в условиях Зауралья можно характеризовать крайней неустойчивостью.

Наиболее выразительным показателем динамики имущественной и социальной дифференциации государственной деревни являлось образование торговой прослойки из среды крестьян-скупщиков. Предметом их посреднической деятельности были скупка и реализация сельскохозяйственной продукции, ростовщичество, аренда и субаренда земли. Аграрный капитализм в Зауралье определялся почти повсеместно соединением торгового капитала с производительным, т. к. большая часть сельских предпринимателей-скупщиков совмещала эту деятельность с ведением своего хозяйства. В пореформенный период общая численность хозяйств торговых крестьян по губернии составляла в пределах 1-2%. Тем не менее, они оказывали определенное влияние на формирование торгового капитала в сфере реализации сельскохозяйственной продукции. В условиях Зауралья развитие рынка не привело деревню к катастрофическим последствиям. Большая часть хозяйств функционировала в условиях равномерного баланса между природной и социальной средой, т. е. находилась на уровне традиционного натурального и мелко-товарного, что обеспечивало жизнеспособность хозяйственных комплек-

сов. В целом аграрный капитализм в Зауралье в конце XIX-начале XX вв. находился в зачаточном состоянии, где основную долю вложений обеспечивал торгово-ростовщический капитал, который формировался в районах товарного маслоделия и зернового хозяйства.

В формировании аграрного капитала большую роль играли аренда и субаренда земли и сезонный найм, который в условиях разреженной демографической ситуации на территории Тобольской губернии производился по высоким тарифам. Аренда и заклад земли в Зауралье широкое распространение получают во второй половине XVIII-начале XIX вв. Развитие арендных отношений способствовало перераспределению земельного фонда, что в свою очередь влияло на процесс имущественной и социальной дифференциации в регионе. Основными субъектами арендной сделки выступали переселенцы, обедневшие крестьяне-отходники и арендаторы зажиточные крестьяне. В конце XIX в. резервом для аренды земли являлся казенный фонд оборочных статей, а основной формой арендных отношений между крестьянами была субаренда.

При определении сущности сезонного найма выделено два аспекта. С одной стороны, он являлся источником дохода для крестьян, с другой стороны динамика спроса и предложения определяла географию рынка наемного труда. Привлечение наемных работников в аграрную сферу практиковалось в Зауралье уже на начальном этапе становления хозяйственной системы. В XVIII в. использование найма проявлялось более интенсивно. Отсутствие свободных трудовых ресурсов, необходимых для выполнения полевых работ во время жатвы, способствовало складыванию высоких тарифов на эти виды работ.

При формировании отраслевой структуры крестьянских хозяйств большую роль играли биоклиматический потенциал и социальный заказ властей. С начала XVII в, ввиду острой нехватки хлебных ресурсов, все группы населения привлекались к хлебопашеству, в частности и те, которые проживали в районах с низкой репродуктивностью почв. Кардинальные изменения в отраслевой структуре земледельческих хозяйств на территории Зауралья последовали после мер 1782 г. по отмене государственной десятинной пашни, ввиду того, что хлебопашество крестьян на «собинной пашне» давало больший экономический эффект, чем бюрократически организованное производство продуктов. В районах убыточ-

ного земледелия этим были созданы предпосылки для выбора более оптимального варианта хозяйствования.

Отраслевая специализация крестьянских хозяйств в губернии получает развитие со второй половины XIX в. Важным моментом в процессе капитализации сельского хозяйства являлось выделение основного продукта, предмета торговли и подключение отдельных южных районов производства к внутреннему и внешнему рынкам. Основным критерием в этом случае являлась дешевизна его производства и потребительская стоимость на рынке. Для Сибири, и в частности для Тобольской губернии, таким товаром стало сливочное масло. Для его рентабельного производства в губернии были все необходимые условия, обширное луго-пастбищное хозяйство, приспособленный к местным условиям скот, дающий молоко с высоким содержанием жирности.

Большие торговые обороты зерна благоприятно влияли на формирование пшеничного клина на юге губернии. Но не всегда правительство способствовало развитию местного производства. Подтверждением является печально известный Челябинский перелом, т. е. введение специального тарифа на зерновые продукты, поступающие из Сибири на рынки Европейской России.

К началу XX в. на территории Зауралья сформировались специализированные экономические районы, где преобладали хозяйства с комплексной отраслевой структурой, включающей в различном соотношении отрасли: земледелие, молочное и мясное скотоводство, производящие и присваивающие промыслы, переработку растительного и животного сырья. В Тобольской губернии на земледелии специализировалось в Курганском округе 19,6% хозяйств, Ишимском — 18,8%, Тюкалинском — 14,7%, Ялуторовском — 13,8%. В северных округах Тобольском, Тюменском и Туринском этот показатель колебался от 5,8 до 7,3 %. Основные районы, специализирующиеся на мясном скотоводстве, были сосредоточены в северных волостях Тобольского и Тюменского округов. В пределах губернии на скотоводстве специализировалось 13,5% хозяйств, в том числе на молочном 9,7%, мясном 3,8%. В разрезе экономических районов этот показатель распределился следующим образом: по южному — Ишимский 30,1% хозяйств, в т. ч. на молочном 23,1%; Тюкалинский 22,9%, в т. ч. молочном 20,6%; Курганский соответственно 14,1 и 8,5%; Ялуто-

ровском 13,4 и 10,9 % хозяйств. В северных округах этот показатель колебался от 1,4 до 2,8% хозяйств. Центры по переработке зерна и кожевенного сырья сформировались в специализированных районах земледелия и скотоводства. Выделение мукомольной и кожевенной крестьянской промышленности в ведущие отрасли наблюдается в губернии с 90-х гг. XIX в. Основная часть предприятий по переработке растительного и животного сырья создавалась на основе долевого капитала, что определяло их коллективный характер. В пределах губернии удельный вес хозяйств, специализирующихся на переработке растительного и животного сырья, составлял в пределах 1-2 % от их общей численности. Такое же количество хозяйств совмещало эту деятельность с другими отраслями. Переориентация в конце XIX в. значительной части хозяйств скотоводческого профиля с мясного на молочное обусловлена развитием маслоделия. Это в свою очередь повлияло на снижение численности хозяйств, специализирующихся на кожевенном промысле.

В отличие от зерна, при реализации которого производители испытывали большие трудности, сибирское масло занимало одно из первых мест на всероссийском и мировом рынках. В Зауралье ведущими центрами по производству масла были следующие округа: Тюкалинский, Ишимский, Курганский, Тарский и Ялуторовский. Основная часть заводов была максимально приближена к железной дороге. В Тюменском и Тобольском округах маслоделие выступало как вспомогательная отрасль. Здесь произведенное масло шло на внутренние потребности семьи. По губернии численность индивидуальных хозяйств, специализирующихся на маслоделии, составляла 0,4%. Кроме того, около 20% хозяйств было вовлечено в артельные объединения и кооперативы по производству масла. Совмещали это занятие с торговлей 35% хозяйств, с земледелием — 2%, скотоводством — 44% хозяйств.

Присваивающие промыслы (охота, рыболовство, собирательство) наибольшее распространение получили в северном экономическом районе, округах Тобольском (5%), Тюменском (10,7%), Туринском (15,9%). В кустарно-ремесленной деятельности ведущее место занимал Тюменский округ, где получили развитие оптовые ремесла со специализированными центрами. В конце XIX в. кустарные мастерские функционировали по принципу семейного корпоративного мелкотоварного производства. Центры по де-

ревообработке сложились в Тюменском, Тобольском, Туринском округах и северных волостях Ялуторовского округа. В отличие от лесных районов, в южных лесостепных и степных округах отраслевая направленность кустарных промыслов определялась в первую очередь земледелием и скотоводством. К началу XX в. удельный вес хозяйств, специализирующихся на кустарных и присваивающих промыслах, составил: в Ялуторовском округе 11,5%, Тарском 6,7%, Тюкалинском 10,4%, Курганском 19,4%.

В целом в Тобольской губернии процесс специализации сельскохозяйственного производства проходил в условиях сохранения у основной части хозяйств комплексной отраслевой структуры натурального хозяйства как базовой системы жизнеобеспечения семьи. Этим был обусловлен дискретный характер специализации, т. е. складывание ведущих товарных отраслей осуществлялось на основе прежней комплексной отраслевой структуры. Таким образом, процесс товаризации распространялся на всю отраслевую структуру крестьянского хозяйства с учетом сбалансированного круглогодичного цикла хозяйственной деятельности. В свою очередь этому способствовало сочетание в отраслевой структуре хозяйств элементов производящей и присваивающей экономики. Значимую роль в получении дополнительного дохода играло резервное заимочное хозяйство. На разных этапах развития этот мобильный хозяйственный комплекс мог менять свою отраслевую направленность в зависимости от обстоятельств и потребностей основного стационарного хозяйства.

Оптимальным критерием для определения экономического потенциала крестьянского хозяйства является уровень его доходности. Для выявления этого показателя предпринята реконструкция и анализ приходной и расходной частей бюджетов мелкого, среднего и крупного хозяйств на основе согласованной информационной базы данных, извлеченной из различных видов документов. В качестве объектов исследования были привлечены хозяйства крестьян А. Кукорина, В. Васильева, В. Велижанина, А. Никитина, А. Потапова. Отраслевая структура этих хозяйств восстановлена по данным подворных листов переписи 1897 г. На основании собранных сведений были сделаны расчеты годовых затрат на производство продукции по основным отраслям и определен условный общий годовой доход по конкретным хозяйствам. Экономические параметры хозяйств в фактическом и стоимостном выражениях определяются следующими

показателями: стоимость жилых и хозяйственных строений, производительный потенциал хозяйства (трудовой ресурс семьи, земельный фонд, орудия труда, рабочий и продуктивный скот), прямые затраты на производство основной продукции, прямые затраты на вспомогательное производство, потребительские расходы семьи. Приходные статьи бюджета включают данные о количестве полученной продукции по отраслям. Условный чистый доход за год рассчитан без учета трудозатрат семьи и суммы износа средств производства.

Важную статью в расходной части бюджета крестьянского хозяйства составляли налоги. Во второй половине XIX-начале XX вв. сумма годовых налоговых выплат на 1 рев. душу составляла по Тобольской губернии 15-16 р. Анализ состояния бюджетов хозяйств позволил выявить следующую особенность: при росте уровня доходности хозяйства и переходе его из состояния мелкого в среднее, сумма расходов на внутренние потребности семьи значительно сокращалась (до 10-12% от общих годовых расходов). Это было обусловлено «включением» режима экономии — ведущего фактора, обеспечивающего рост доходности хозяйства. Что касается мелких хозяйств, то расходы на внутренние потребности в их бюджете составляли в среднем от 30 до 50% от полученного дохода. Режим экономии средств в бюджете хозяйства также зависел от состояния трудового ресурса семьи, возможности производить продукцию своими силами, без привлечения сезонных наемных работников, либо использовать их в крайних случаях.

Общий годовой доход мелкого хозяйства определялся суммой до 100 рублей. В случае неурожаев, дефицит в бюджете эта группа хозяйств перекрывала заработком в период сезонного найма, поденной работой у зажиточных крестьян и деньгами, взятыми в долг. Основной доход мелкие хозяйства получали от земледелия.

Показатели доходности хозяйства среднего достатка колебались в пределах от 100 до 600 рублей в год. Анализ материалов переписи 1897 г. показал, что для этой группы хозяйств характерна комплексная отраслевая структура с различными вариантами специализации на земледелии, скотоводстве, маслodelии, торгово-ростовщической деятельности, извозе, сезонном найме, кустарных ремеслах и промыслах. Доход крупных хозяйств составлял от 600 до 1500 рублей в год и выше. Эта группа хозяйств специализировалась как на нескольких, так и на одной отрасли с преобладанием торгово-ростовщической и торгово-промышлен-

ной деятельности. Уровень доходности мелких хозяйств зависел от интенсивности воздействия природных и экономических факторов. Напротив, у средних и крупных хозяйств, с более устойчивым экономическим базисом, наблюдается получение стабильных доходов ввиду гибкой отраслевой структуры и устойчивого роста капитала, что позволяло менять специализацию в зависимости от конъюнктуры рынка, динамики цен, цикличности неурожайных и урожайных сезонов т. д. Изучение крупного хозяйства А. Д. Никитина показало, что высокий уровень доходности, прежде всего, определялся местом развития производящего комплекса, его максимальной приближенностью к рынкам и возможностью сбыта продукции без посредников; выбором оптимального варианта отраслевой структуры, ее внутренней сбалансированностью с учетом круглогодичного функционирования, обеспечением условий для высокой продуктивности зернового хозяйства. При распределении годового дохода, у средних и крупных хозяйств от 20 до 50% полученных средств вкладывалось в воспроизводство хозяйственного комплекса. В отличие от них, у мелких хозяйств основной доход шел на внутреннее потребление семьи и прежде всего на питание, что было обусловлено преобладанием в производстве доли ручного труда.

В заключении диссертации подводятся основные итоги исследования, дается обобщающая сравнительная характеристика крестьянских хозяйств южного и северного экономических районов Зауралья.

Крестьянское хозяйство как целостная система развивалось в условиях органичного взаимодействия с природной и социальной средой. Его экономическая устойчивость обеспечивалась: оптимальностью выбора места развития, рациональным природопользованием; максимальной сбалансированностью составляющих элементов хозяйственного комплекса и его производительного потенциала, с учетом круглогодичного цикла функционирования; сохранением режима эксплуатации земли, обеспечивающего восстановление плодородия почв. Детальный анализ широкого круга документов показал, что качественные изменения во внутреннем строе хозяйства носили дискретный характер, т. е. приобретение новых свойств происходило при сохранении изначального ядра натурального хозяйства как базовой системы жизнеобеспечения семьи. В этом отношении аграрная эволюция Сибири мало чем отлича-

лась от других стран и территорий. Обусловленные этими обстоятельствами медленные темпы развития аграрной сферы не исключали качественных изменений в структуре крестьянского хозяйства. Применительно к Зауралью существенное значение имело «Уложение» 1623-1624 гг., подготовленное тобольским воеводой Ю. Сулешевым. Этим актом было положено начало формированию инфраструктуры зауральской деревни. Она сыграла крайне важную роль в организации пространства для сельскохозяйственного производства и быта земледельческих сообществ. Заселение и освоение территории осуществлялось посредством двух типов поселений — стационарных (деревень и сел) и мобильных (заимок, избушек, балаганов, выселков и пр.).

Заимочный комплекс являлся неотъемлемым компонентом земледельческой культуры сибирского крестьянина. В его сознании он рассматривался в качестве определенного резерва для развития хозяйства как в интенсивном режиме земледелия (трехполья), так и в рамках экстенсивного (подсека, перелог). На разных этапах экономического развития заимки играли различную социальную и экономическую роль. Первоначально они функционировали как «дальняя пашня». В дальнейшем, под воздействием рынка, заимки стали использоваться в качестве пунктов по переработке животного и растительного сырья, пчельников и др. Таким образом, в рамках сложившегося сельского пространства, включающего стационарные и мобильные типы поселений, создавались условия для развития различных форм эксплуатации земельных ресурсов. Это обстоятельство имело определенные социальные последствия. Например, возможность ухода на заимку обеспечивала определенную независимость для членов земледельческих сообществ, что в свою очередь создавало трудности для использования их в качестве наемных работников. Производство высокотехнологичных культур в условиях трудоемкого трехпольного хозяйства приводило к необходимости применения принудительных форм труда. Для этих целей в Зауралье в XVII в. использовали пленных калмыков, что было характерно для монастырского хозяйства. Этот принцип замены свободного труда рабом в Сибири не получил широкого распространения. Большие пространства, возможность организации индивидуального хозяйства не способствовали выработке здесь традиции внеэкономического принуждения.

Важной вехой, существенно изменившей строй крестьянского хозяйства, явилась отмена в 1782 г. государственной десятинной пашни. Последствие этих мер было многоаспектным и коснулось самых разнообразных сторон жизни сибирской деревни. Введение денежных налогов, вместо обязательных отработок на государственной пашне, послужило начальным толчком для самостоятельного включения крестьянского хозяйства в торговую сферу. Дальнейшая логика развития в этом направлении привела к усилению отраслевой и имущественной дифференциации, складыванию предпосылок социального расслоения. Дополнительным импульсом, усилившим наметившиеся процессы, стало проведение Транссибирской магистрали, которая пролегла через наиболее развитые в экономическом отношении южные территории губернии. Расширение рынков сбыта сельскохозяйственной продукции способствовало включению сложившихся двух типов хозяйств (интенсивного трехпольного и экстенсивного залежно-переложного) в систему товарно-денежных отношений, что сопровождалось их слиянием, на основе усовершенствования аграрных технологий и перехода к более производительным орудиям труда (сохе-пермянке и технике заводского производства). В совокупности эти процессы способствовали зарождению в зауральской деревне начальной стадии капитализма, основу которого составлял торгово-ростовщический капитал. В конце XIX— начале XX вв. основную долю капиталовложений обеспечивали отрасли маслоделие и земледелие.

В условиях Зауралья главную особенность сложившейся поземельной практики составляло несовпадение юридической собственности государства и фактического распоряжения землей крестьянами на основе обычно-правовых норм. Осуществление поземельных сделок: купля-продажа, заклад, обмен, передача по наследству крестьяне аргументировали фактом первоначального возделывания «новины», «росчистей», «старины», наследственного владения. В свою очередь, реализация государством своих официальных прав на владение землей осуществлялась посредством контроля за выполнением крестьянами тяглых обязательств, взимания дифференцированной ренты и платы за аренду казенных земель. Все предпринятые меры, направленные на преобразование сложившейся системы поземельного устройства, выверялись крестьянами на уровне института обычного права. Несмотря на земель-

ную свободу и возможность введения в хозяйственный оборот значительных массивов, размеры земельных наделов у основной части хозяйств определялись потребительскими нормами семьи. Данное обстоятельство, с одной стороны, было обусловлено размером налога, который был поставлен в зависимость от площади земельного надела, с другой — хозяйственной целесообразностью, т. к. в условиях Зауралья многоземельные хозяйства, ввиду высоких тарифов на сезонные работы, были экономически не эффективными. Наиболее оптимальной организационной формой в условиях Зауралья являлись хозяйства средней группы.

Изменение структуры производительных сил земледельческого хозяйства зависело от состава зерновых культур и последовательной смены одних сортов другими. При этом основные изменения претерпело хозяйство южной зоны, с более развитым производительным потенциалом, чем в северной. В агротехнике, ввиду вырождения озимого клина, вводятся чистые пары, ставшие вплоть до настоящего времени необходимым элементом сельскохозяйственной практики за Уралом. Территориальная протяженность и специфика биоклиматических условий Зауралья способствовали формированию у основной части хозяйств комплексной отраслевой структуры. К началу XX в. важную веху в развитии производительного потенциала крестьянского хозяйства составило создание опытных семенных и селекционных станций, способствующих районированию наиболее продуктивных видов и сортов растений, улучшенных пород животных. Отмеченные достижения не были случайными, т. к. являлись продолжением той работы, которая велась крестьянами самостоятельно, ввиду длительного отсутствия в Зауралье специализированных агрономических служб. Реконструкция экономического базиса хозяйств показала общую тенденцию преобладания натуральных и мелкотоварных хозяйств среднего уровня доходности. Численность этих групп хозяйств была неравномерной, ввиду отсутствия в Зауралье регулируемого рынка.

Таким образом, на территории Зауралья сложился особый тип хозяйственной системы, который по условиям функционирования, социальным и экономическим параметрам отличался от общероссийского. Основу этой системы составляло крестьянское хозяйство комплексного типа, с присущей ему дискретностью, круглогодичной специализацией и резервным заимочным хозяй-

ством. Основным принципом развития крестьянского хозяйства в условиях Зауралья являлась оптимальность в широком смысле, обусловленная хозяйственной целесообразностью.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ:

1. Родословие от земли. ТГПИ. Тобольск, 1992. 101 с. (6 п. л.).
2. Из истории сельскохозяйственного образования в Сибири в XIX-начале XX вв. // Родиноведение. Материалы научной конференции. ТГПИ. Тобольск, 1992. С. 10-14 (0. 2 п. л.).
3. Карачинская волость в XVII в. по материалам челобитных тобольских служилых людей // Возрождение России. Исторический опыт и современность. М., 1993. С. 92-94 (0. 1 п. л.).
4. Опыт народной агрономии. Дневник крестьянина А. Д. Никитина (1843-1899 гг.). // Духовная культура Сибири — проблемы межнациональных связей. Философия, филология, история. ТГУ. Тюмень, 1994. С. 57-67 (0,5 п. л.).
5. Демьянская волость Тобольского уезда в конце XIX в. По материалам историко-этнографического описания К. В. Гамолецкого // Традиционная культура русских крестьян Сибири и Урала. Ур ГУ. Екатеринбург, 1995. С. 48-51 (0,2. п. л.).
6. Реформы тобольского воеводы Ю. Я. Сулешева // Проблемы регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность. Всероссийская научно-практическая конференция. Тобольск, 1996. С. 6-11 (0. 3. п. л.).
7. Тобольская деревня в конце XVI-XIX вв. Тобольск, 1997. 224 с. (14 п. л.).
8. История Тобольской деревни на уроках математики. ТГПИ. Тобольск, 1997. В соавторстве с Н. А. Корощенко. 104 с. (6 п. л. / 4 п. л.).
9. Земледельческие сословия Тобольской губернии в конце XVI-XIX вв. ТОГИРРО. Тюмень, 1998. 33 с. (1,5 п. л.).
10. Русские сельские поселения Западной Сибири в конце XVI- XVIII вв. ТОГИРРО. Тюмень, 1998. 22 с. (1,0 п. л.).
11. Формирование монастырских вотчин в Тобольском уезде в XVII в. // Этнокультурная история Урала XVI-XX вв. // Материалы международной научной конференции. Ур. ГУ. Екатеринбург, 1999. С. 8-9 (0. 1. п. л.).
12. Вотчины Тобольского Софийского Дома в XVII в. // Публикатор арх. док. ТГУ. Тюмень, 2001. 84 с. (5,5 п. л.).
13. Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII - нач. XVIII вв. // Публикатор арх. док. ТГУ. Тюмень, 2001. 180 с. (11,5 п. л.).
14. К проблеме землевладения и землепользования в Зауралье в XVIII в. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Сборник научных трудов. Ч. 1. Омск, 2002. С. 36-38 (0.1. п. л.)

15. Развитие земледельческого хозяйства Западной Сибири (конец XVI-начало XX вв.). ТюмГНГУ. Тюмень, 2002. 180 с. (12 п. л.).

16. Русские старожилы Западной Сибири (по данным массовых статистических источников XVII-XVIII в.) // Вторые тюменские родовые чтения. Тюм ГНГУ. Тюмень, 2002. С. 85-90 (0. 3. п. л.).

17. Поземельные сделки служилых людей в Западной Сибири в 20-60-е гг. XVIII в. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты) // Материалы XXVIII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2002. С. 42-45 (0. 2. п. л.).

18. К истории земледельческого освоения автохтонных территорий Сибири и Америки в XVII-начале XX вв. // Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002. С 305 - 311 (0. 4. п. л. / 0. 2. п. л.) В соавторстве с В. М. Суриновым.

19. Книга «на записку хлеба и пашни и покос» 1843-1899 гг. крестьянина А. Д. Никитина. // Отечественные архивы. 2002. № 6. С. 90-99 (0. 5. п. л.)

20. Становление русского земледелия в Зауралье в конце XVI-XVIII вв.: крестьянство и власть. // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 24-46 (1 п. л.).

21. Имущественное положение государственных крестьян в XVII-XVIII вв. по материалам Зауралья // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 28-34 (0,8. п. л.).

22. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI-начале XX вв. ТГУ. Тюмень, 2003. 180 с. (15,0 п. л.).